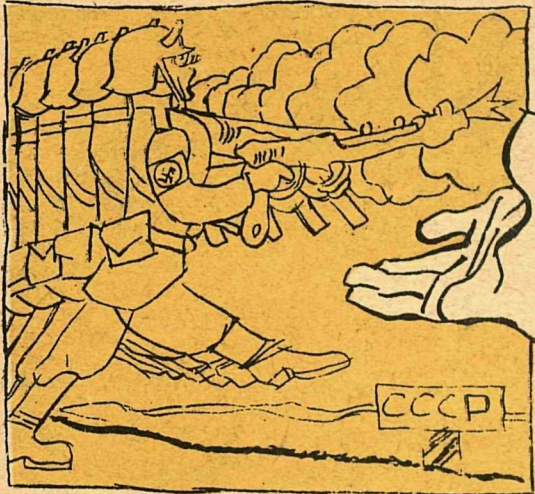
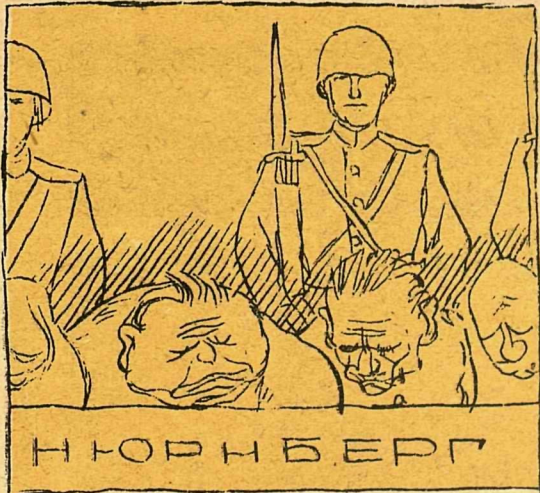

КРОКОДИЛ

К 556
465

22 июня 1941 г.

22 июня 1946 г.

НАГЛЯДНЫЙ УРОК ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОЙНЫ

Рис. М. Чернышев

Шли на Москву. Дошли до Нюрнберга.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ТОКИО. Обвиняемые в военных преступлениях японские генералы Касахара Сахио, Цутихаси Юичи и Накадзима Тедзуо не явились на проходящий здесь процесс над главными преступниками войны. Неявку свою генералы объясняют полнейшей невозможностью совмещать должности военных преступников и командующих армиями, каковыми они до сих пор остаются. Генералы склонны просить об освобождении от первой из должностей.

СТОКГОЛЬМ. В связи с тем, что некоторые маскирующиеся под демократов шведские профашисты утверждают, что они во время войны боролись с немцами и едва ли не обратили их в бегство, шведская печать вносит в это утверждение существенную поправку: шведские профашисты, как сообщают газеты, обращают в бегство немцев только теперь, содействуя их побегу из концлагерей для преступников войны.

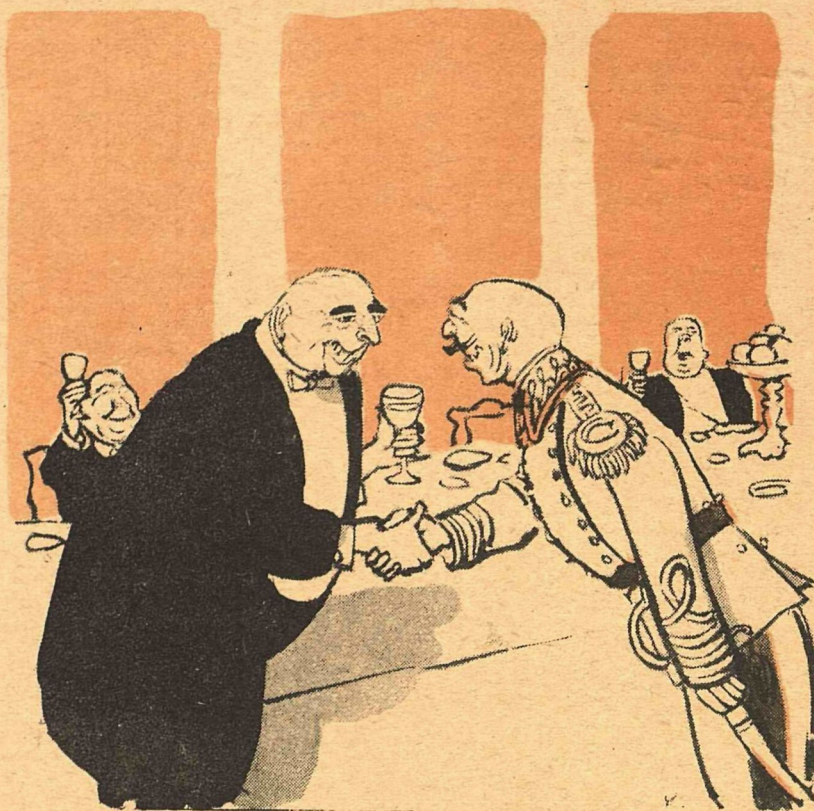
РИМ. Из авторитетных источников сообщают, что не все дороги ведут в Рим. Из тех же источников передают, что бывший итальянский король Умберто выехал из Рима в Лиссабон.

МИЛАН. В беседе с вашим корреспондентом генерал Андерс заявил, что его верность родине во много раз возросла. «Это, — сказал Андерс, — тем естественней, что с размещением моей армии в качестве наёмных войск в различных странах количество родин у меня в несколько раз увеличилось».

ГААГА. Циркулируют слухи, что в скором времени сюда придёт большая партия пальмовых ветвей мира, сбитых снарядами во время последних боёв в Индонезии.

ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ

Рис. А. Каневого

БУР-КОМАРОВСКИЙ (мистеру Хатсону):—Очень благодарен за оказанный приём! Так тепло встречали меня только немцы!..

ПОСЛЕ ЗАБАСТОВКИ

Рис. Бор. Ефимова

— Железнодорожное движение, господа, мы уже восстановили. Теперь остановить бы профессиональное движение.

С ГОРЕЧЬЮ приходится отметить, что некоторые досужие люди возводят напраслину на соловья, одного из лучших представителей вокального искусства.

Стоит только какому-нибудь неумеренному подхалиму распушить павлиньи перья красноречия при восхвалении своего непосредственного начальника, как сразу говорят:

— Ишь ты, заливается соловьём!..

Поклёп — да и только. Соловей исполняет исключительно нежные, лирические мелодии. Во всём его репертуаре нет ни одной угоднической нотки.

Кроме всего прочего известно, что эта птица карьеры не делает, рецензентов не боится, нигде не служит... Так зачем ей прислуживаться?

А посему не надо трепать её доброе имя при упоминании подхалимов. Вот и сейчас, на собрании описываемого нами учреждения, уже кто-то на задних скамьях успел пустить нелестный слухок про соловья.

А всему виной Лимонадькин, секретарь внепланового отдела планового сектора. Это о нём, о Лимонадькине, шептались на задних скамьях:

— Заливается соловьём!..

Из молодых, да ранний этот Лимонадькин. Выступил он на собрании в прениях по докладу начальника и вылил на его голову дюжину бочек сладчайшего сиропа:

— Роман Игнатьич знает, что делает... Мы все, надо прямо сказать, в подмётки не годимся Роману Игнатьичу... Как однажды лестно выразился Роман Игнатьич... И опять Роман Игнатьич не ошибся, сказав, что... Под испытанным руководством Романа Игнатьича...

В общем и целом тошно было слушать. Одни краснели за Лимонадькина, другие поёживались, третьим хотелось плевать.

Особенно нервничал один из старейших сотрудников учреждения — Степан Панкратыч Невзираев. Он то и дело вскакивал с места.

И когда Лимонадькин покинул трибуну, слово тотчас же попросил тов. Невзираев.

Голос его дрожал от волнения.

— Товарищи! — начал он.

Все сразу затихли. Степан Панкратыч налил из графина полный стакан воды и, вылив его залпом, продолжал:

— С чувством большого огорчения я выслушал речь предыдущего оратора. Уж сколько раз, товарищи, твердили миру, что лезть гнусна, вредна. И очень обидно было слушать из уст молодого человека Лимонадькина такие неуёмные восхваления Романа Игнатьича.

Мы здесь, товарищи, все свои люди. Мы все хорошо знаем нашего начальника, и я категорически, со всей ответственностью, заявляю, что Лимонадькин того-с...

Одним словом, он пересолил по линии отпускания комплиментов, пеняя дифирамбов и воскурения фимиама.

Надо, товарищи, оставить эти штучки. Пора крепко ударить по подхалимству.

Разве Роман Игнатьич нуждается во всех этих красивых фразах? Каждый из нас и так хорошо знает, что благодаря Роману Игнатьичу наше учреждение поднято на небывалую высоту.

Тут Лимонадькин израсходовал много красноречия, чтоб охарактеризовать Романа Игнатьича. Мне стыдно было слушать, с каким угодничеством он это говорил. Не нуждается Роман Игнатьич в этом. Мы ведь и ценим его и любим за скромность, за простоту.

Целых полчаса говорил в том же духе Невзираев, — ох, и резко критиковал он Лимонадькина за подхалимство!

Ну, скажите сами, что тут общего с пеннем соловья?!

Г. РЫКЛИН

ОГОРОД

Дядя Петя знал порядки —
Что, когда и как растёт.
На четыре ровных грядки
Он разбил свой огород.

Этот ряд —
Под салат.
Будет ловко!
На концы —
Огурцы
И морковка,
Лук — сюда,
Мак — туда,

Для редиски — вся гряда.
Брюква, репка и капуста.
И не густо и не пусто,
Как всегда!

Дни идут, бегут недели.
Дяде Пете не везёт:

Всюду овощи поспели,
У него — наоборот.

Где он, ряд
Под салат?
Ой, неловко!
Где концы —
Огурцы
И морковка?
Глянь — сюда,
Глянь — туда:
От редиски — нет следа,
Где должна расти

капуста —
Нынче пусто, завтра пусто.
Ой, беда!

И однажды дяде Пете
Говорит его жена:
«Почему у нас в буфете
Залежались семена?»

— Как сейчас вижу: сидим мы это с Алексеем Максимовичем у него на даче в Крыму. За окном море плещется, кипарисы чернеют... А Алексей Максимович смотрит на меня этак проникновенно и говорит басом: «А из вас, сударь мой, писателя, пожалуй, не выйдет!»

Там лежат
И салат,
И морковка,
Подлецы —
Огурцы...
Вот так ловко!
Тут и лук.

Тут и мак.
Как же это вышло так?
Видно, выпил дядя Петя
И посеял всё в буфете.
Вот чудак!

Николай ФЛЕРОВ

Ой, Дербень, Дербень Калуга...

С ОПОЗДАНИЕМ НА 10 ЛЕТ

ПОЕЗД Москва — Калуга ушёл из столицы точно по новому, летнему расписанию. Совершенно точно машинист тов. Алексеев, угостив пассажиров последним толчком, подвёл поезд к Калужскому вокзалу. Все календари утверждали, что идёт первый летний месяц 1946 года. Сомневаться в этом не было причины. Но мой спутник, художник, войдя в первый зал вокзала, спросил носильщика:

— Скажите, какой сейчас идёт год?

Носильщик торопливо юркнул в дверь и уже из-за порога тихо ответил:

— Нынешний.

Но любознательного художника этот ответ явно не удовлетворил. Он задал свой странный вопрос ещё нескольким гражданам. Они испуганно шаркались в сторону.

Во втором зале художник громко произнёс:

— Мы пришли в 1942 год!

Я ничего не понял, но художник с силой рванул меня за руку и показал на стену. На ней висел плакат:

«Да здравствует 26-я годовщина Октября!»

Затем художник показал на плакат, висевший на другой стене. Он гласил:

«Дружно подпишемся на Второй военной заём!»

Переходя из зала в зал и от стенки к стенке, мы как будто возвращались в прошедшее десятилетие. У выхода из вокзала мы увидели макет лагеря челюскинцев. На ледяном поле стоял самолёт Каманина. Над макетом висел транспарант:

«Привет героям Арктики!»

Мы спросили дежурную по вокзалу, давно ли висит этот макет. Она ответила:

— Недавно... Всё-таки наглядная агитация.

«ПЕТУХИ»

ПЕРВЫЕ слова, которые мы услышали, выйдя из вокзала, оразу же вернули нас к действительности. Из радиопора донёсся мощный голос:

«В 1950 году Калужский комбинат синтетических душистых веществ даст стране...»

Утром следующего дня мы были на этом комбинате. Ровно час главный инженер строительного треста тов. Кан то-

ропливо доказывал нам, как тяжело ему работать с директором комбината тов. Петровым:

рывать меня в неё будут директор строительного треста Левчук и его главный инженер Кан. Вы не представляете,

— Гроб! Чудесный глазетовый гроб! Вот, полюбуйтеесь!..

— Вы не представляете, как с ними трудно работать!..

— Я строитель тридцать лет! Я строил всё, начиная от жилых домов до крематория. Но здесь я не работаю, а собственноручно готовлю себе гроб! Да, да! Гроб!

Тов. Кан быстро выдвигал и задвигал ящики стола, доставал толстые, пухлые папки и, стуча кулаком по столу, шептал:

— Гроб! Чудесный глазетовый гроб! Вот, полюбуйтеесь!

Одна за другой на стол делтели копии грозных писем с адресом:

«Директору комбината тов. Петрову. Ставлю вас в известность...»

Кончив жаловаться, тов. Кан устало спросил:

— К Петрову пойдёте?

Директор комбината тов. Петров, увидев нас, обрадовался так, как будто мы были его любимые дети, вернувшиеся с того света:

— Как я рад! Как я рад! Я вам сейчас столько всего расскажу!

На стол полетели письма, докладные, служебные и простые записки.

— Я руковожу промышленными предприятиями много лет. Я вырабатывал всё — начиная с детской присыпки до экскаватора. Но здесь я рою себе яму. Да, да! Яму! А за-

как с ними невероятно трудно работать!.. О! Если бы знали!..

К тов. Левчуку мы уже не заходили. Решили, что полезнее осмотреть комбинат.

Комбинат очень хороший. Уже в этой пятилетке он прославит Калугу своими изделиями. Строят его в общем неплохо. Но могли бы строить ещё лучше, быстрее и дешевле. Помехой этому непрекращающиеся бои местного значения между директором комбината и строительным трестом.

На строительстве мы встретили каменщика тов. Волкова. В недавнем прошлом гвардеец одного из славных полков Красной Армии, он пришёл сюда работать вместе с сыновьями Матвеем и Иваном. Когда мы подошли к нему, он стоял на фундаменте будущей теплоэлектроцентрали и говорил сыновьям:

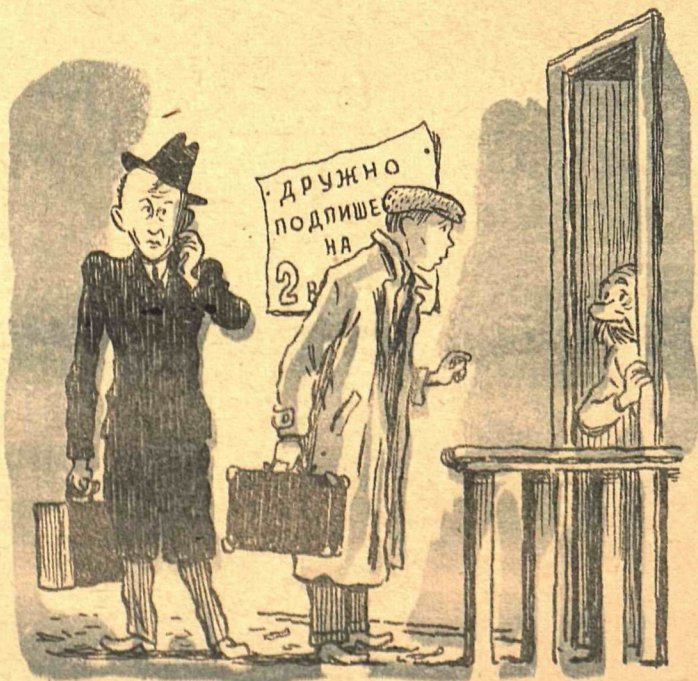
— Пойти бы работы поискать. Скучно ведь так, ребята!

Сыновья дружно ответили: — Скучно, папаны! Иди, похлопочи: может, кирпичиков подвезут.

Стоявший тут же десятник угромо промолвил:

— Сегодня не будет. Наши петухи ещё крыльями не отмахали.

Кого он имел в виду, угадывать было не надо.

Носильщик торопливо юркнул в дверь...

ТОВ. ИВАНОВ СМОТРИТ СПЕКТАКЛЬ

ОДИН день мы посвятили попыткам познакомиться с заместителем заведующего областным отделом торговли тов. Ивановым. Мы пришли к нему именно в те часы, когда, согласно табличке на дверях его кабинета, он должен был

— Пойти бы работы поискать
Скучно ведь так, ребята!..

«принимать посетителей по всем вопросам».

Его секретарь Маруся сказала нам:

— Я ничего не знаю! И вообще я не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете. Он в облысполкоме.

Мы пошли в облысполком. Тов. Иванова там не оказалось.

Через полчаса мы снова были у Маруси. Она встретила нас, как уже знакомых, и доверительно сообщила:

— Он в обкоме партии.

В обкоме тов. Иванова мы не нашли. Маруся давала нам поочередно адреса базы Заготзерно, горторготдела, горсовета. Но тов. Иванова нигде не было. День клонился к вечеру. И вот наступил час, когда мы получили точную справку:

— Товарищ Иванов смотрит спектакль!

Секретарь Маруся.

Мы побежали в театр. Но побеседовать с тов. Ивановым нам не удалось, но зато мы его увидели.

Местные жители нам объяснили:

— Вам повезло! Некоторые калужане тов. Иванова по две недели ловят. А вы в тот же день его увидели!

Товарищ Иванов смотрит спектакль.

МЛАДЕНЦЫ НА ШТРАФНОЙ ПЛОЩАДКЕ

ЕСЛИ бы местный спортивный комментатор передавал по радио о ходе футбольного матча на стадионе «Локомотив», то слушатели могли бы услышать:

— До конца первого тайма осталось 9 минут. Конечно, команде «Буревестника» можно было бы кое-что предпринять, но... Внимание! Прошу меня извинить, снова недоразумение. Вратарь «Буревестника» принял от центра нападения ещё одного младенца и бережно относит его в аут. Игра продолжается с тем же успехом для наседающего «Локомотива». Удар по... Простите... Вратарь снова принял мяч, то бишь очередного младенца, и нежно относит его на исходную позицию. Вы слышите, как он ему поёт: «Спи, моя радость, усни...»?

Игра продолжается...

Чтобы не терзать читателя недоумением, объясняем, в чём дело. В павильоне стадиона размещён детский сад. Во время игры младенцы, как истинные болельщики, забегают на штрафную площадку. Когда футболисты обращаются к городским властям с просьбой перевести детский сад в другое помещение, им отвечают:

— Выращивайте смену.

В Калуге есть ещё одна штрафная площадка. Если какой-либо удалец восьмилетнего возраста проникнет на эту запретную зону, — его выгоняют. Эта площадка — сквер на центральной площади города.

Охраняет сквер милиционер тов. Докучаев. Мы собственными глазами видели, как у него это получается.

В сквер зашли дети. Докучаев сорвался с места и помчался за ними. Через минуту дети уже были на замощённой булыжником пыльной дороге.

Мы пытались убедить строго часового цветочных клумб, доказывая, что «цветам жизни» лучше находиться в сквере.

— Не ваше дело! А вы кто такие? Следуйте по своему направлению.

Мы так и сделали. Направились к скамье и уселись. Вечер был чудесный. Цвели в сквере две яблонки, велепела трава. За изгородью стояли де-

ти и смотрели на недоступную травку. Прошло пять минут. К нам подошёл Докучаев. Но он был не один, а с лейтенантом милиции тов. Юровым. И с немецкой овчаркой.

— Ваши документы?

Угрожающе зарычала овчарка. Мы торопливо предъявили документы и заинтересовались, чем вызвана столь внезапная проверка.

Последовал ответ:

— Согласно поступившим сведениям, вы вмешались в действие постового милиционера и затем что-то подозрительно рисовали. А, вы из редакции... Так... Так... Ну, что ж! Это ничего. Значит, вы зарисовали Докучаева? Похож!

Во время игры младенцы, как истинные болельщики, забегают на штрафную площадку.

Здорово... Меня... с дробачкой... лучше не надо. Счастливы оставаться. Гуляйте, гуляйте. Докучаев, смотри у меня, пускай детей... они того... цветы жизни...

Козырнув, лейтенант торопливо ушёл. В сквер хлынула толпа детей.

Надолго ли?

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

В НЕКОТОРЫХ органах печати с недавних пор появился отдел «Знаете ли вы?» Читателей спрашивают:

«Сколько было лет бабушке Юлия Цезаря?»

«Какой масти была лошадь у Александра Македонского?»

К концу нашего пребывания в Калуге мы составили свой вопросник:

— Знаете ли вы, с кем говорите?

«Знаете ли вы, что в Калуге нельзя получить места в гостинице, не говоря уже о номере?»

Знаете ли вы, когда начальник Главпарфюмера Морозова положит конец ссорам лицемера Кана с директором комбината Петровым?

Знаете ли вы, когда отремонтируют в городе кинотеатр?

Знаете ли вы, когда областная газета «Знамя» начнёт заниматься самокритикой?»

Мы пошли согласовать этот вопросник с одним руководящим лицом.

Руководящее лицо сурово спросило:

— Знаете ли вы, с кем говорите?

Очарованные таким ласковым приёмом, мы в тот же день выехали в Москву.

Арк. ВАСИЛЬЕВ
Зарисовки Г. ВАЛЬКА
(Специальные корреспонденты Крокодила)

Калуга.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

УСПОКОИЛА

— Я беру эту квартиру. Только скажите, пожалуйста, заранее: может быть, кто-нибудь из соседей играет на рояле? Это будет мешать моей работе!

— О, вы можете быть совершенно спокойны на этот счёт! Дама, живущая рядом, действительно играет на рояле, но мои ребята обычно так шумят, что её никогда не бывает слышно.

СЛАБЫЙ ЧЕЛОВЕК

Поезд подходит к перрону. В одном из окон появляется голова какого-то толстого человека, который взволнованно кричит:

— Послушайте! Тут одна женщина упала в обморок, не найдётся ли у кого-нибудь глоток коньяку?

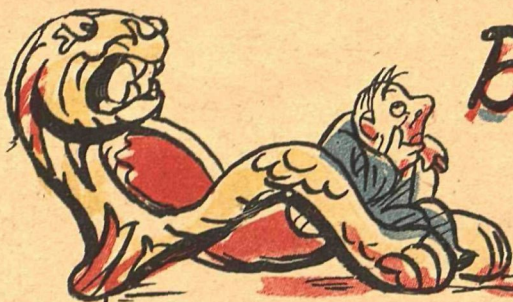
Чья-то сердобольная рука протягивает ему флягу с коньяком. Он хватает флягу и с наслаждением делает из неё несколько глотков. Затем он вежливо возвращает флягу изумлённому владельцу и говорит, обтирая усы:

— Премного благодарен. Всегда чувствую некоторую слабость, если вижу женщину в обмороке!

НЕОЖИДАННО

О н. Скажите, дорогая Кэт, вы могли бы выйти замуж за дурака только из-за его денег?

О н а. Дайте мне немного подумать: ваше предложение для меня слишком неожиданно.

Ба, рококо? Барокко?!

Вы просите басен, читатель? Их нет.
Не всё же про лис и про заек!

Жил-был по соседству со мною поэт,
А может, он был и прозаик.
Все эти деленья условны весьма.
Есть формы одежды и формы письма.
Которые в рифму одеты, —
Таких называют «поэты».
Не в звании дело! Приходит иной
С Поэзией в загс, как с законной женой.
С ним загс и не спорит, но чуёт:
Поэзия здесь не ночует!
(А где она будет днеть-ночевать, —
На то регистраторам, ясно, плевать.)
Так вот, в понимании этом,
Приятель мой не был поэтом.
Бывало, его прозаический вид
Девушек поэтичных прискорбно дивит:
Он был воплощение прозы.
И был его прозаичен: нигде
Ни «сакса», ни «севра», ни красного де-
рева, ни карельской берёзы!
От климата, что ль, но в квартире его
Из этих пород не росло ничего.
Застенчиво спинки сутула,
Стояли дешёвые стулья
И письменный стол, чрезвычайно
простой
(Из тех, за какими писал и Толстой,
Что, впрочем, ему не мешало
Неплохо писать и немало.)

И пишет писатель всю ночь напролёт,
Перо его будущим дышит.
Прочтёт, помрачнеет, и в ключья
порвёт,
И весело заново пишет.
Так писывал Пушкин... Так пишет
любой,
С Поэзией сведший знакомство.
Такие всегда недовольны собой,
Такими довольно потомство.
Таких в общепризнанной классики том
Потомки включают. (Заметим:
Потомки обычно бывают потом,
А предки бывают пред этим.)
Так было б и с ним, вероятно.
Но вдруг...
Читатель, напрасен ваш нервный
испуг!

Не бойтесь! Мы вас огорошим
Отнюдь не плохим, а хорошим.
Он будущим жил. А ему, как на зло,
Везло в настоящем, не в меру везло:
Он классиком признан был сразу —
По первому в жизни расеказу.
Его современники ценят, и вот
Он в люди выходит, он в гору идёт,
Он в моду, как это бывает,
На собственном «зисе» въезжает.
И сразу ж, как в сказке, пошли чудеса!
Попал он, как курица во щи,
В карельской берёзы сплошные леса
И красного дерева рощи.
Взлетел он высоко,
Живёт он широко:
Повсюду барокко,
Везде рококо.
Так водится: хочешь — не хочешь,
А мода велит — рококочешь.
Роскошная жизнь,
Рококошная жизнь!
Одна домработница ропщет, кажись,
На новую мебель:

«Морока
Мне с этим хозяйским барокко!
Возись, убирая, по целым часам...»
И ей невдомёк, что хозяин и сам
Той мебелью очень — не очень, —
А всё ж заморо... забарочен.
Он ходит и смотрит: на уникам-торс,
На ширмы Луи — ну который-с? —
«Каторс»?
Он за ухом чешет и в ухе,
Диковинным креслам дивясь от души:
Не мебель, а небыль! Садись и пиши
Фантастику в гофманском духе!..

Но странное дело: не пишется, нет!
Писать его в прежний влекло кабинет,
А нынче — дивись кабинету! —
Писать в нём желания нету.
И письменный стол не прельстит
красотой...

Эх, стол! За таким не писал и Толстой.
А впрочем, он тоже не пишет,
Перо его что-то не дышит.
Он целую ночь не сутулится над
Столom, превратившимся в стол-
экспонат,
Он ходит, на мебель глаза,
Как сторож по залам музея

А в мыслях — музейного опись добра,
В них всякие, как выражаются, бра,
Ковры и цветные дорожки.
И он по дорожкам по этим ходил,
Трюмо улыбаляся, и шкапам кадил,
И креслицам кланялся в ножки.
Барочные стулья наделали деа!
На стуле обычном он прочно сидел,
А стильный — на шею садится.
(Что, здраво судя, не годится.)
Вскочил, и уселся, и ездит на нём,
Как всадник, умеющий править конём,
Иль, образней молвить, точь в точь, как
(Читатель, фантазию в помощь зови!)
Красавица-ведьма из повести «Вий»,
Коварная сотника дочка.
И следом, со всех позолоченных лап,
Пустылись диваны... Пускается шкап,
Ключами гремит его дверца.
И мебель сбивается с ножек... И с ног
Приятель мой сбился. Я слышал, он
слёг,

Уж не от барокко ли сердца?!
«Вы, — спросят меня, — против мебели,
что ль?»
Напротив. Я с детства постиг её роль.
Я сам не за то, чтобы барды
В табачный — от холода — кутались
дым,

Огнём вдохновенья, дыханьем своим
Свои согревали мансарды.
И спрашивать глупо! Я тож — за уют,
Который красивые вещи дают.
Я стиль уважаю барочный,
Когда он... не очень порочный.
Я тож — за удобства. Я тож — за

комфорт:
За то, чтоб у каждого «зис» (или «форд»
Иль прочий какой-нибудь «виллис»);
Чтоб стол был в цветах, чтоб к столу —
ананас;
Чтоб всем нам на креслах сидеть... на
нас
Чтоб кресла вовек не садились!
Ведь вот же случается: сгинул поэт —
Из тех, до барокко охочих...

Вы просите басен, читатель? Их нет.
Они — у Крылова и прочих.

Эмиль КРОТКИЙ

ЭКСПОНАТЫ НА ВЫНОС

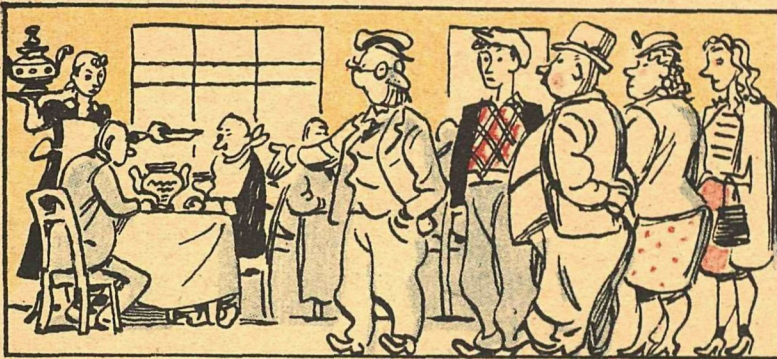
Рис. Ю. Ганфа

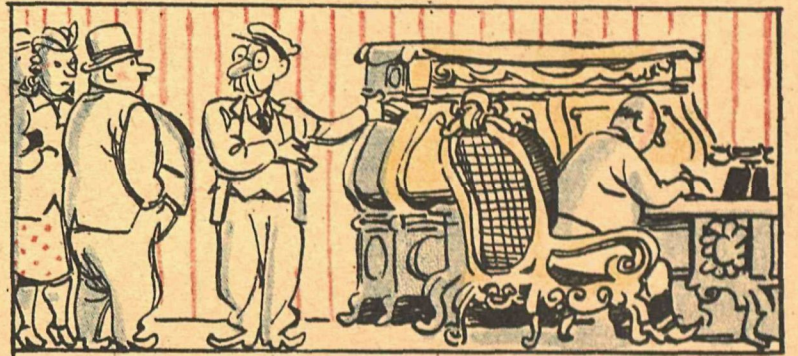
— Вы хотите, граждане, осмотреть достопримечательности нашего городского музея?..

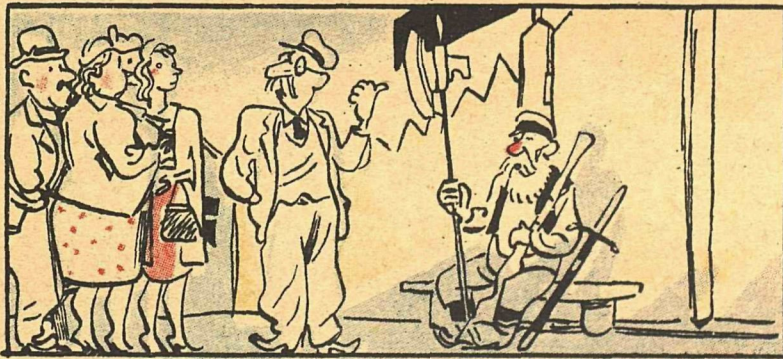
— Пожалуйста!.. Начнём со столовой горпищеторга..

— Здесь мы видим посуду XVII века. Она настолько прочна, что в столовой ею пользуются уже целый год и, несмотря на это, процент боя не превышает 0,7. Пойдём дальше...

... — В правлении банно-прачечного треста ваше внимание привлечёт старинная мебель, которая украшает кабинет управляющего и, несомненно, способствует росту его авторитета...

... — Оружие времён крестовых походов, взятое из музея и находящееся на вооружении сторожа склада Заготзерно, немало содействует сокращению количества хищений...

... — Эти, перенесённые из музея в зал заседания горсовета картины голландского художника XIV столетия в ярких красках рисуют заботу нашего горсовета о музее...

... — В музее так же широко были представлены доисторические животные. Перед вами скелет мамонта, бивни которого рационально приспособлены под вешалку в загсе...

... — Итак, граждане, вы осмотрели все музейные достопримечательности, не заходя в музей. Заглянуть в него вам, однако, придётся, чтобы написать в книге отзывов о своих впечатлениях.

Гром и «молния».

Пожарник Прохорчук

(ТРАГЕДИЯ В ОДНОМ АКТЕ)

Действие происходит в редакции одного журнала. К редактору в кабинет робко входит начинающая писательница.

ОНА. Простите... Я очень извиняюсь... Вы редактор журнала?

ОН. Я.

ОНА. Моя фамилия — Крапивина. Я написала для вашего журнала маленький рассказ.

ОН. Оставьте.

ОНА. Я бы хотела... если это возможно, конечно, узнать ваше мнение о нём. Если вы позволите, я вам его прочту. Это займёт три — четыре минуты, не больше. Можно?

ОН. Ну, читайте.

ОНА. Рассказ называется «Благородный поступок». Читайте («Читает») «Был третий час ночи. Все в городе уже спали. Не горела ни одна лампочка. Было темно и тихо. И вдруг из окна четвёртого этажа большого серого дома вырвался кровавый язык пламени. «Караул! — раздался крик. — Горим!» Это был голос беззаботного хозяина квартиры, который забыл на ночь выключить электроплитку — виновницу пожара. Огонь и хозяин — оба металась по комнате. Простонала сирена пожарного автомобиля. Пожарники соскочили с машины и бросились в дом. В комнате, в которой метался хозяин, было море огня. Пожарник Прохорчук — уже молодой украинец с большими чёрными усами — остановился перед заполненной дымом дверью. Пожарный стоял и думал. Вдруг он решительно кинулся в дверь, вытащил из комнаты тлеющего хозяина и направил на огонь свой брандспойт. Пожар был потушен благодаря смелости Прохорчука. К нему подошёл бранд-майор Горбушин. «Молодец, Прохорчук! — сказал он. — Правильно действуете». Потом бранд-майор улыбнулся и добавил: «Вы не замечаете, а ведь у вас горит правый ус». Прохорчук улыбнулся и направил струю себе на усы. Рассветало».

ОН. Рассказ неплохой. И название подходящее: «Благородный поступок». Но есть у вас отдельные места, которые необходимо исправить. Понимаете, досадно, когда в хорошем рассказе — и вдруг не то, что хотелось бы. Как там у вас начинается рассказ?

ОНА. «Был третий час ночи. Все в городе уже спали».

ОН. Очень нехорошо. Значит, и милиция спит, и дежурные спят, и... Просто плохо. Потеря бдительности получается. Это место необходимо исправить. Напишите лучше так: «Был третий час ночи. Никто в городе не спал».

ОНА. Этого же не может быть! Ночь. Люди спят...

ОН. Да, пожалуй, это правильно. Тогда сделайте так: «Все в городе уже спали, но находились на своих постах».

ОНА. Спали на постах?

ОН. Нет, это совсем чепуха. Сделайте лучше так: «Часть людей спала, а часть людей не дремала». Дальше?

ОНА. «Не горела ни одна лампочка».

ОН. Это что же? У нас, значит, выходит, делают такие лампочки, что они не горят?

ОНА. Это же ночь. Огни все погашены.

ОН. А можно подумать, что это такие лампочки. Это неуместно. Вычеркните! Не горят, — значит, не надо об этом и писать.

ОНА. «И вдруг из окна четвёртого этажа большого серого дома вырвался кровавый язык пламени. «Караул! — раздался крик. — Горим!»

ОН. Это что? Паника?

ОНА. Да.

ОН. И вы полагаете, что со страниц печати необходимо пропагандировать панику?

ОНА. Конечно, нет. Но это же рассказ... художественное произведение. Я описываю пожар.

ОН. И выводите паникёра, вместо того чтобы вывести сознательного человека. Я бы на вашем месте крик «караул» заменил каким-нибудь более мобилизующим криком.

ОНА. Например?

ОН. Ну... например... «Наплевать, потушим! — раздался крик. — Чего волноваться? Не горит!»

ОНА. То есть как не горит, когда горит?

ОН. Нет. «Не горит» в смысле «успеем потушить, будьте спокойны».

ОНА. Это невозможно.

ОН. Возможно. Тогда вообще не нужно этого крика. Читайте дальше.

ОНА. «Это был голос беззаботного хозяина квартиры, который забыл на ночь выключить электроплитку».

ОН. Какого хозяина?

ОНА. Беззаботного.

ОН. Стоит ли со страниц печати популяризировать беззаботность? Я бы считал, что не стоит. Не нужно. И потом, зачем вы пишете, что он забыл выключить на ночь электроплитку? Стоит ли на подобных примерах воспитывать читателя?

ОНА. Я не собиралась на этом воспитывать, но ведь если бы не было электроплитки, так не было бы и пожара.

ОН. Так разве было бы хуже?

ОНА. Конечно, было бы лучше.

ОН. Ну, так, значит, так и надо писать. Уберите электроплитку, и это даст вам возможность не говорить ни слова о пожаре. Читайте, что там у вас дальше. Переходите сразу к образу пожарника.

ОНА. «Пожарник Прохорчук — уже молодой украинец...»

ОН. Вот хорошо схвачено!

ОНА. «С большими чёрными усами — остановился перед дверью. Пожарный стоял и думал».

ОН. Плохо. Пожарный не должен думать. Он должен тушить пожар, не задумываясь.

ОНА. Но это же штрих для рассказа!

ОН. Для рассказа это, может быть, и штрих, но это не штрих для пожарного. И потом раз у нас нет пожара, то не к чему и вводить в этот дом пожарного.

ОНА. А как же тогда его разговор с бранд-майором?

ОН. А пусть они разговаривают в помещении пожарной команды. Как там у вас этот разговор?

ОНА. («Читает»). «К нему подошёл бранд-майор Горбушин. «Молодец, Прохорчук! — сказал он. — Правильно действуете». Потом бранд-майор улыбнулся и добавил: «Вы не замечаете, а ведь у вас горит правый ус». Прохорчук улыбнулся и направил струю себе на усы. Рассветало».

ОН. Зачем это вам?

ОНА. Что?

ОН. Ну вот эти горящие усы?

ОНА. Это я для юмора вставила; человек так заработался, что даже не замечает, что у него усы загорелись.

ОН. Вычеркните это, мой вам совет. Раз нет пожара, раз дом не горит, не стоит жечь и усы.

ОНА. А смех?

ОН. А смех будет. Когда человек смеётся? Когда ему радостно. Радостно, что нет пожара? Очень радостно. Вот читатели и будут смеяться. Прочтите, что у вас получилось.

ОНА («Читает»). «Благородный поступок. Был третий час ночи. Часть людей в городе спала, а часть не дремала. Из окна четвёртого этажа большого серого дома раздался крик: «Не горит!» «Молодец, Прохорчук! — сказал бранд-майор Горбушин пожарному Прохорчуку, пожилому украинцу с большими чёрными усами. — Правильно действуете». Прохорчук улыбнулся и направил струю себе на усы. Рассветало».

ОН. Вот это вещь! Это можно печатать!

Владимир ПОЛЯКОВ.

О пользе прогонов

НЕКИЙ театр выпустил некий спектакль. В городе уже висели большие бледнорозовые афиши с подробным перечислением всех участников премьеры и с сообщением о том, что она даётся «1-го, 3-го, 5-го, 6-го, 9-го и 11-го».

Кажется, девятого я позвонил в театр и выразил желание посмотреть его новую работу.

— Ни в коем случае! — категорически запротестовал директор. — Одиннадцатого официальная премьера, тогда и приходите.

— Почему же я не могу придти девятого? Как раз сегодня у меня свободный вечер.

— Сегодня нельзя! Спектакль ещё совсем сырой. Зачем портить впечатление?

— Но он же идёт уже пятый раз! И афиши висят. И билеты продаются.

Но директор ответил тем нетерпеливо-раздражённым тоном, каким обычно говорят с безнадежно назойливыми субъектами:

— Всё равно это не спектакль, а только прогон. Мы проверяем его на публике. Официальная премьера одиннадцатого.

И мне живо представилась такая, к сожалению, фантастическая сценка.

Директор театра приходит в ресторан. Садится за столик. Заказывает обед. Официант приносит ему тарелку дымящихся щей.

— Позвольте, — кричит директор, отхлебнув щей и швырнув в возмущении ложку, — что это за варево? Бурда! Картошка совсем сырая!

— Да, картошка, пожалуй, сыроватая, — охотно соглашается официант.

— Зачем же вы подаёте недоваренный обед?

— А это ещё не обед, а только прогон обеда. Мы проверяем его на публике. Официальный обед будет в семь часов вечера.

Директор даже синее от негодования:

— Какое мне дело до ваших прогонов?! Ресторан открыт. Я плачу деньги и желаю получить готовую продукцию!

На что официант спокойно отвечает:

— А разве я не плачу деньги, когда прихожу на ваши первые спектакли? Почему же можно мне подсовывать сырую продукцию?

Премьера означает первое представление пьесы. В воспоминаниях старых актёров можно найти много рассказов об этих волнительных минутах первой встречи с публикой...

Теперь официальная премьера часто бывает незадолго до сотого спектакля. Ей предшествует множество так называемых «прогонов на публике», т. е. обычных платных афишных спектаклей, за которые театр почему-то не считает нужным нести общественную ответственность.

Ответственность он начинает нести только в тот вечер, когда являются десять театральных критиков с жёнами, пять критиков без жён и одиннадцать жён без критиков.

Честное слово, всё, что я сейчас расскажу, произошло в действительности!

У инженера Л. очень ревнивая жена. Случилось так, что ему 29 мая пришлось одному пойти на открытие эстрадного театра. Просто у кого-то из сослуживцев оказались билеты, и они отправились в «Эрмитаж» прямо с работы.

Через несколько дней супруга Л. встретила свою подругу, жену театрального критика. Подруга рассказала ей, что они вчера были в «Эрмитаже».

— Говорят, ужасная программа, — сказала жена Л.

— Что ты, Мусинька?! Программа в общем ничего. Несколько, пожалуй, однообразна, (слишком балетно-цирковая, но знаешь, неплохо провели вечерок.

Мусинька пожала плечами:

— Скажи лучше, не вечерок, а ночку. Ведь там кончается без четверти час.

— Ровно в тридцать пять минут двенадцатого мы ушли домой, — сообщила подруга.

Жена Л. удивилась:

— По-моему, ты что-то путаешь, Таня. Программа кончается без четверти час. Муж вернулся в сорок минут второго. Он рассказывал, что в половине первого, когда публика уже покидала зал крупными подразделениями, артистка Тарасова только-только стала взбираться на канат...

— Какая Тарасова? — раскрыла глаза Таня. — Какой канат? Никакого каната не было.

— Как не было? Канат висел над самым оркестром. Оркестр не играл, а дрожал под управлением дирижёра Грана. Шутите ли, над самой головой ходят три человека с длинными шестью и без лонжет.

— Такого номера не было, — решительно объявила подруга.

Страшная догадка мелькнула в голове Мусиньки:

— Позволь, позволь! А Кето Джапаридзе выступала с каким-то нелепым, не своим репертуаром?

— Нет, она вообще не выступала.

— А Гаркани пел куплеты?

— Нет.

— А был такой эстонский танец, во время которого публика зевала, не понимая, почему эта длинная, томительная прогулка по сцене называется танцем?

— Не был.

Мусиньке всё стало ясным.

Что произошло вечером в квартире инженера Л., описывать не мне. Для этого надо иметь дарование Всеволода Иванова, который даже свою повесть «При взятии Берлина» сумел превратить в подлинную трагедию для всех, пытающихся её прочесть...

Скажу коротко. Мусинька прогнала мужа. Причём прогон был на публике, так как при скандале присутствовала вышеупомянутая подруга, вызванная как свидетель обвинения.

Совершенно сбивый с толку инженер кинулся в «Эрмитаж» и стал требовать, чтобы ему дали на руки программу открытия, то есть то, что показывали 29 мая.

— Двадцать девятого мая не было открытия. Это была черновая репетиция, после которой всё переменили.

— Какая же черновая репетиция, если брали тридцать рублей за билет, а по городу уже неделю висели афиши?

Но в «Эрмитаже» стояли на своём:

— Всё-таки это был только прогон на публике. Мы проверяли программу на зрителе.

— Я не хочу, чтобы на мне проверяли программу! Проверяйте её на себе. Я плачу деньги, а вы их получаете. Всё-таки разница!

Между прочим, не было никакой необходимости собирать 1700 человек, чтобы увидеть самые очевидные вещи.

Ясно, что программа в «Эрмитаже» не может кончаться без четверти час. Нельзя в течение одного вечера показывать сначала целую балетную юкунту на 20 минут, затем танцевальную пару, затем вторую танцевальную пару, снова групповой танец, потом полутанец-полуакробатику, затем партерных акробатов, опять партерных акробатов, эксцентриков на полу, эксцентриков на проволоке и в заключение ещё даму на канате в мешке над головой публики...

Тут уж никакой Смирнов-Сокольский не поможет, никакие Миров и Дарский не спасут!

Аттракцион на канате Тарасовой был приглашён ещё за два месяца до открытия сезона и в плакате писался огромными буквами. Оборудование привезли в двух вагонах. Было устроено восемь прогонов без публики, а после девятого прогона, с публикой; номер сняли.

Товарищи, имейте совесть, зрители не обязаны составлять вам программу!

Инженер Л., выяснив, наконец, жертвой каких обстоятельств он стал, потребовал директора или режиссёра.

— Директор тут не при чём, — доверительно шепнули ему. — Что он значит? Режиссёр тоже не при чём. У нас программу режиссирует не режиссёр, а все заведующие всеми отделами музыкального управления Комитета по делам искусств, вплоть до заведующего отделом перевозок. Как говорится, у семи нянек...

— Почему же он их всех не прогонит? — возмутился инженер.

Что они могли ему ответить? Начальство гнать не принято. А ведь это был бы единственный прогон, который принёс бы большую пользу эстраднему театру «Эрмитажа»!

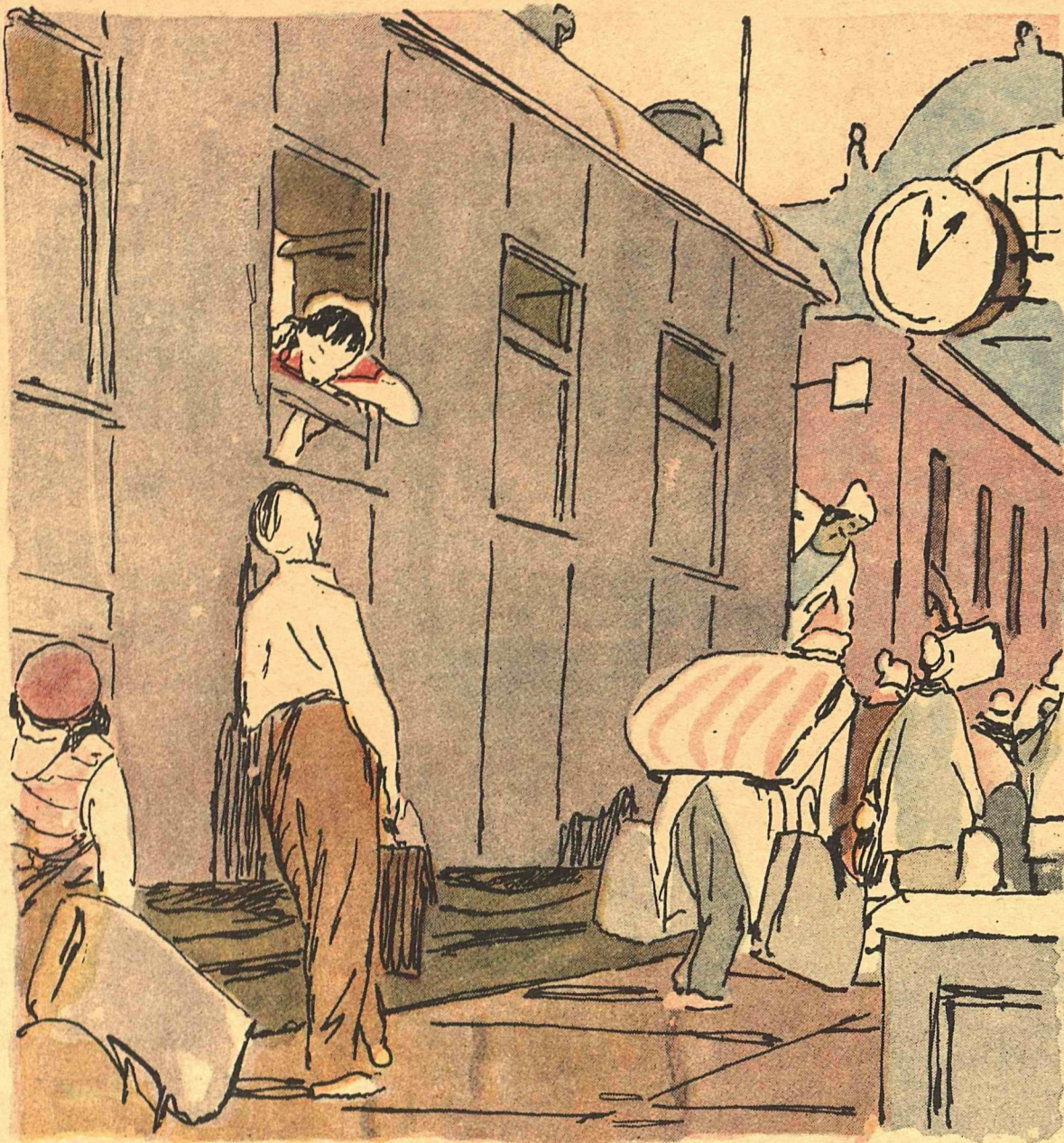
Евг. БЕРМОНТ

НЕДОУМЕНИЕ КЛАССИКА

Рис. И. Семёнова

— Тут вчера один писатель хвастался у моего памятника своей новой книжкой. Только странно очень называл её — лимитная.

— Пиши мне на учреждение.
 — А если кто-нибудь прочитает там моё письмо?
 — Будь спокойна! В нашем учреждении получаемые письма даже не вскрываются.

ОДНАЖДЫ...

КРУПНАЯ СТАТЬЯ РАСХОДА

Однажды И. А. Вышнеградского, министра финансов при Александре III, стали уговаривать не делать слишком большой экономии в государственном бюджете. Чтобы убедить министра, его собеседник привёл следующий аргумент:

— Помилуйте, Иван Алексеевич, в нынешнем году одних сенаторов умерло на 52 тысячи рублей!

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ ДЮМА

Однажды врач обратился к умирающему Дюма:

— Я обещал сказать вам всю правду, когда дело будет обстоять очень серьёзно. Полагаю, что вы должны приготовиться. Хотели бы вы кого-нибудь повидать?

— Да, — подумав, сказал Дюма.

— Кого же?
 — Другого врача.

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Однажды Людовик XIV играл в шахматы. В конце партии вышла размолвка между игравшими.

— Рассудите нас, — сказал король, обращаясь к герцогу Граммон.

— Ваше величество, вы проиграли, — сказал тот, даже не глядя на шахматную доску.

— Но вы даже не вникли в нашу игру!

— Всё равно, ваше величество, вы, наверное, проиграли. Ваши партнёры молчат. Но будьте уверены: если бы результат игры был сколько-нибудь сомнительным, они давно решили бы, что преимущество на вашей стороне, и провозгласили бы вас победителем.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Однажды резвая девица
 Решила, что она певица,
 Забыв, что для того, чтоб петь,
 Не только нужно пышный волос,
 А музыкальный слух и голос,
 Хотя бы маленький, иметь.
 Девица вышла на народ,
 Взяла всего одну лишь ноту
 И вдруг, почувствовав икоту,
 Как говорят, сомкнула рот.
 — Плевать! — решила вслух девица. —
 Не буду петь, так буду чтица! —
 Забыв при этом, что и тут
 Нужны терпение и труд,
 Что тут нужны не только бусы,
 Не только туфли, шлейф и бант,
 А хоть немного чувства вкуса,
 И чувство меры, и... талант.
 И вот девица вышла снова.
 Конферансье без всяких прав
 Девицу подал: «Мастер слова!» —
 Со сцены нагло проорав.
 И тут пошло, пошло, попёрло

Во всё надорванное горло.
 Девица стала жить легко,
 Уже как чтец ВГКО.
 На лоне блага и калтуры
 Во весь размах своей природы,
 Одновременно с «перманент»,
 Девица делает «кушюры»,
 Стучит «фрагментом» о «фрагмент».
 Как дерзновенный мастер слова,
 Войдя, как говорится, в раж,
 Она кроит из Льва Толстого,
 Из Кассиля и Михалкова
 Один «эпический» монтаж.
 Она печатает афиши,
 Она кричит, как кот на крыше,
 «Программы» новые печёт,
 Готовит «творческий отчёт».
 Она работает на льду,
 В Колонном зале и в саду.
 Ей хлопает её начальство,
 Забыв при этом, что нахальство,
 С искусством чтенья не в ладу.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

НЕВОСПИТАННЫЕ КОРОВЫ

Представитель Ростовского треста «Маслопром» Рукевич в телеграфной форме дал заведующему Антоновским сепараторным пунктом строгую директиву:

«Немедленно проведите вместе со сборщиками подворный обход индивидуальных отелившихся хозяйств точка добейтесь сдачи молока ими...»

Как это ни странно, но директива треста до сих пор не выполнена. Неожиданно выяснилось, что в районе нет ни одного отелившегося хозяйства. Поиски продолжаются.

Рукевич мечет гром и молнию.

Коровы во всём районе злорадно торжествуют.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Меломан — это человек, любящий музыку. Директор женской общеобразовательной школы в Ступине (Московская область) — типичный меломан. Он до того не любит музыку, что не пустил в свою школу ступинскую детскую музыкальную школу для устройства праздничного концерта, несмотря на то что об этом была твёрдая договорённость.

В день концерта собрались дети — участники концерта, — педагоги, родители, гости у школы, а

она заперта. Сторож говорит, что не велено пускать. Кое-как уломали сторожа, и он пустил в раздевалку, где среди пустых вешалок и состоялся концерт.

Говорят, немеломан-директор остался очень недоволен поступком сторожа, который оказался чуть-чуть меломаном.

ЗАПАРИЛИСЬ

Хотя в марте и 31 день, но этот месяц оказался явно коротким для Рязанского областного земельного отдела.

Спохватившись в конце марта, что сев на носу, облземотдел в срочном порядке сочинил такое произведение:

«Приказ № 134 по Рязанскому обл. зем. отделу от 30 марта 1946 года.

§ 4

Управлению агротехники обласо в марте организовать в районах... трёхдневные семинары...

Нас удивляет, почему облземотдел тут же не издал приказ № 135 — о продлении месяца марта на несколько дней.

— Но ведь это нелепо! — воскликнут земотдельцы.

— А издавать такие приказы разве лепо? — спросим мы.

НА ХЛЕБ И ВОДУ

Некоторые подмосковные детские сады, столовые, продовольственные магазины и палатки, находящиеся в ведении Московско-Рязанской железной дороги, не заготовили на лето льда для хранения скоропортящихся продуктов. Это очень нехорошо. И негодование санитарно-эпидемической станции дороги по этому поводу совершенно обосновано. Поэтому, опираясь на последние научные достижения в области эпидемиологии, вот что считает нужным предпринять упомянутая станция:

«Предлагается... дать соответствующее распоряжение на московские базы ОРС'а о прекращении с 1-го июня до 1-го октября с. г. отгрузки в вышеозначенные пищевые объекты всех видов скоропортящихся продуктов (мясо, рыба, мясные и рыбные изделия, молочные и яичные товары и жиры)».

Вот какой холод нагнала эпидемическая станция на «вышеозначенные пищевые объекты», предлагая посадить их на хлеб и на воду. Можно быть вполне уверенным, что она больше никогда не проявит прохладного отношения к вопросу о заготовке льда.

ЗАГАДКИ

В Москве, в центре столицы, расположена одна из популярных поликлиник, а на ней вывеска:

«Поликлиника им. Семашко У.Х.Л.У.М.Г. О.З.»

Что это такое «УХЛУМУГОЗ»? На каком это языке?

Мы знаем, что медицина делает большие успехи и косноязычие сейчас вполне излечимо. Неужели в поликлинике имени Семашко нет врачей — специалистов в этой области?

А в Тимирязевской сельскохозяйственной академии висит объявление:

«Для работы в МИМЭСХ требуются работники следующих специальностей...»

Что за таинственная организация «МИМЭСХ»? И почему среди требуемых специальностей нет переводчиков с тарабарского на русский?

ПО СТОЛОВОЙ ЛОЖКЕ

Медянский радиоцентр, в Кировской области, задумал интересное мероприятие: передать по радио повесть Ванды Васильевской «Просто любовь».

Первая радиопередача новой повести понравилась радиослушателям. Тогда руководители радиоцентра решили продлить по возможности удовольствие. Как это сделать?

Медянцы довели продолжительность каждой передачи до минимума и стали лютчевать слушателей по столовой ложке. Повесть В. Васильевской начали транслировать в ноябре, но когда повести до сих пор не выдать, точнее не слышать. Это обстоятельство вызывает естественное беспокойство особо престарелых граждан:

— Доживём ли? Это же не «Просто любовь», а просто безобразия!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

★ В № 3 нашего журнала была помещена заметка «Новое на ниве просвещения» — о том, как в Спас-Деменской школе, Калужской области, перевели из седьмого класса в восьмой дочь директора местного торца Смирнову, хотя она не сдала всех экзаменов. Как сообщают из Министерства просвещения РСФСР, факты, изложенные в заметке, подтвердились. Директор школы Долбик отстранён от занимаемой должности, а ученица Смирнова возвращена в седьмой класс для повторения курса обучения.

СЕРЕНАДА ДВОРНИКА

Территория Коломенского паровозостроительного завода очень захламлена. Только площадка перед кабинетом директора приведена в порядок.

Рис. Б. Пророкова

— Товарищ директор, не скрою того, что я убираю для вас одного!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Ты не знаешь директора Харьковского медицинского института Шарлая? До недавнего времени и я не знал его. Но сам Шарлай стремится, чтоб его узнало как можно больше людей. И не только стремится к этому, но даже требует. Больше того: угрожает тем, кто имеет неосторожность его не знать.

Как-то Шарлай ворвался в акушерско-гинекологическую клинику. Дежурная акушерка Горелова остановила его, тем более что Шарлай был без халата. Тогда Шарлай накинулся на дежурную, избил её и стал кричать:

— Ты не знаешь меня?! Ты меня узнаешь! Мне очень хочется, чтоб Шарлая узнала не только пострадавшая Горелова, узнали не только в Харькове, но и за его пределами. И ты должен знать Шарлая, а то, чего доброго, и тебе достанется от него.

С. ДУБИНСКИЙ,
майор

Харьков.

Товарищ Крокодил!

Начальник Кисловодской конторы Особторга тов. Урдин торжественно рассказывает о перспективах подведомственной ему торговой сети:

— Нам уже свиньи спущены... Должны деликатесы прибыть...

— Разрешите прикурить, — говорит его собеседник.

Начальник берёт со стола бумажную полоску и, запалив от электрической печки, угощает огоньком.

— Позвольте, а спички? Неужели у вас нет спичек?

Чело тов. Урдина омрачается. Он залпом глотает стакан шипящего нарзана и вдруг кричит в соседнюю комнату:

— Маруся, принеси дело о спичках! Из большого дела о спичках можно понять, что Кисловодску и Пятигорску спички кем-то занаряжески, спущены, кем-то отгружены и с декабря месяца 1945 года отлёживаются на какой-то безвестной станции, откуда никак не могут спуститься на полки особторговских магазинов.

МИХ НИКИТИН

Кисловодск.

Дорогой Крокодил!

Прошу предупредить отдыхающих курортников.

Если они собираются во время своего отпуска в Сочи жениться, пусть сделают это лучше дома. В сочинском загсе регистрация браков временно прекращена.

Не потому, что там слишком большое производство браков! Просто — нет бланков! Областной центр — Краснодар — пополнения не шлёт.

А как поступит сочинский загс, если исчезнут бланки регистрации рождений? Неужели будет директива — повременить с рождением?

В. БОНДАРЕВ

Сочи.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 414. Подп. к печати 15/VI 1946 г. Статформат 72x106 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А-01998. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1342. Тираж 150.000 экз.

СТАРАЯ РЕМОНТНАЯ СКАЗКА

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1946 г.

3446 м

Рис. Л. Бродаты

— Избушка, избушка, стой к комиссии лицом!..